

Николай Морозов:

«Я ПРИЕХАЛ, ПОТОМУ ЧТО МНЕ ИНТЕРЕСНО»

Был период в моей жизни, когда я практически перестала интересоваться фигурным катанием. Репортажи с международных стартов шли фоном в виде включенного телевизора, и скорее воспринимались слова комментатора, нежели идентифицировалась картинка. При этом слух периодически фиксировал одно и то же имя. А если учесть, в связке с какими спортсменами это имя произносилось, в сознании невольно сформировался образ взрослого, умудренного годами тренера. Какое же было мое удивление, когда, готовясь к интервью, я обнаружила, что ему нет еще и тридцати пяти! А потому с вопроса о возрасте и начался наш разговор.

Николай, с учетом всего сделанного за эти годы, тридцать пять для вас — это много или мало?

Вообще по жизни — это мало, а в фигурном катании, конечно, много. Потому что когда задумываешься о том, сколько всего знаешь и в скольких разных ситуациях побывал, то чувствуешь, как будто тебе шестьдесят.

В 1999 году вы ушли из спорта, а уже в 2002 году на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити Алексей Ягу-

ОН ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ, ГДЕ БУДЕТ ТРЕНИРОВАТЬ РОССИЙСКИХ СПОРТСМЕНОВ, НЕ ОТКАЗЫВАЯСЬ ПРИ ЭТОМ РАБОТАТЬ С ИХ КОНКУРЕНТАМИ ИЗ ДРУГИХ СТРАН. ОН НЕВЕРОЯТНО УВЕРЕН В СЕБЕ, И ЭТО ЧИТАЕТСЯ В КАЖДОМ СЛОВЕ, ЖЕСТЕ И ВЗГЛЯДЕ. ОН ОДИНАКОВО ЛЕГКО ГОВОРИТ О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ ТРЕНЕРА И С ХОРОШИМ ЮМОРОМ РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИИ ИЗ ОКОЛОСПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ.

дин выиграл «золото» с вашей постановкой «Зима». Что в большей степени помогло вам тогда, в самом начале вашей карьеры тренера и хореографа?

Если говорить в общем, то прежде всего, наверное, то, что к тому времени у меня было достаточно знаний. Мне всегда нравилось ходить в театры, я многое пересмотрел на

Бродвее, хорошо разбирался в музыке. Что касается хореографии, то когда в семнадцать лет я из одиночного катания перешел в танцы, у меня было слишком мало времени для того, чтобы чему-то научиться. Было тяжело, потому что это два абсолютно разных направления, но мне нравилось придумывать какие-то шаги, элементы. И я стал уделять хореографии много времени: ходил в школу современного танца Николая Огрызкова в Москве, а когда переехал в Америку, тренировался в крупнейших школах танца на Бродвее. Там преподают педагоги, у которых ты можешь взять класс хип-хопа, модерна, джаза и т.д. Я и сейчас хожу иногда туда заниматься сам и вожу своих учеников. И хотя для меня было полной неожиданностью получить предложение от Татьяны Анатольевны Тарасовой поработать вместе, она, наверное, не просто так позвала.

А если говорить конкретно про «Зиму», то в фигурном катании всегда находились люди, которые не боялись новшеств, не боялись взять необычную музыку. На Ягудине это сработало, потому что он один из лучших спортсменов в истории фигурного катания. Конечно, можно было взять беспримысленную классическую музыку со стопроцентным попаданием. Но здесь просто не было боязни сделать что-то новое.

«Зима»
в исполнении
Алексея
Ягудина

Поправьте меня, если я не права, но мне кажется, что за всю историю фигурного катания того больше не было, чтобы человек, только три года назад завершивший свою спортивную карьеру, делает постановку, которая вот уже почти десять лет заставляет зрителей аплодировать стоя.

Не было. Просто об этом мало кто знает.

Алексей Ягудин, Изабель Делобель — Оливье Шонфельдер, Саша Коэн, Шизука Аракава, Елена Грушина — Руслан Гончаров, Ше-Линн Бурн — Виктор Краацц, Евгений Плющенко, Мишель Кван, Брайан Жубер, Дайсуке Такахаси, Мики Андо... Вы работали с каждым из этих спортсменов. Вы сами-то задумываетесь о том, что вы творите?

Ну, в принципе, да. Мне нравится! Понимаете, я придерживаюсь одной-единственной позиции: я считаю, что спортсмен — это не рабочий материал. К любому спортсмену я отношусь как к че-

ловеку, для которого обязан сделать все, чтобы у него сложилась жизнь. Взять Лешу Ягудина — ведь не выиграй он Олимпиаду, его жизнь была бы абсолютно другой. Работа тренера и хирурга приблизительно одинакова. Если хирург плохо сделает операцию, человек может остаться инвалидом. Так же и тренер. Я сам был спортсменом и знаю, как это иногда бывает.

Кем вы себя считаете в большей степени — хореографом или тренером?

Наверное, тренером, потому что хореографа можно нанять.

Вы допускаете в процесс своей работы еще кого-то?

Нет.

А вы можете сказать, какой вы тренер?

Мне со спортсменами очень легко. Я не могу сказать, что они относятся ко мне как к какому-то взрослому тренеру, потому что я их ненамного старше. Но есть уважение. Они знают, как я люблю работу, как отношусь к ним, и не могут позволить себе меня подводить.

Много разговоров ходило о том, что русские тренеры работают за рубежом и тренируют наших конкурентов. И вот вы здесь. Вам сделали предложение, от которого вы не смогли отказаться? Вы подписали контракт?

Да нет никакого контракта.

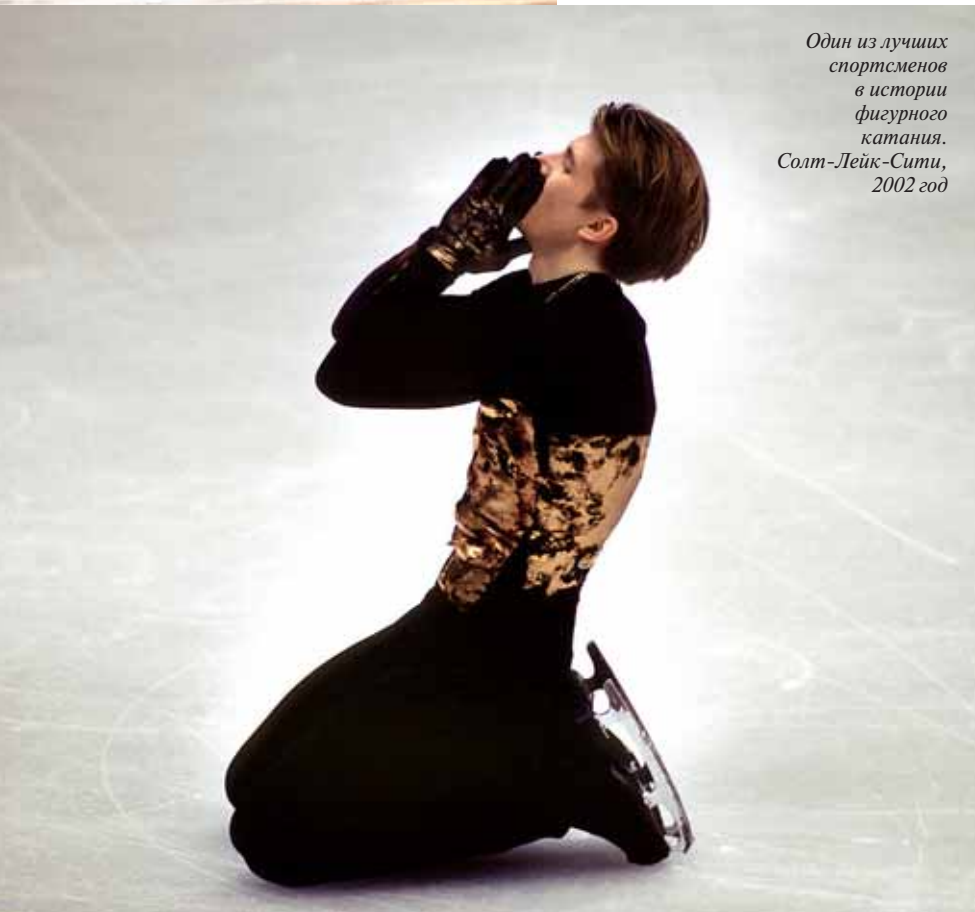
Я приехал, потому что мне интересно. Я вообще люблю менять обстановку. В Америке мне стало скучно, вроде я там уже все сделал. Кроме того, Олимпийские игры будут проходить в Сочи, и хочется, чтобы русские спортсмены заняли высокие места. Для этого я и приехал.

В Америке скучно, а здесь непочтительный край работы...

Ну да. А поскольку мне не шестьдесят лет, мне интереснее там, где есть работа, там, где не скучно.

Кого будете тренировать?

Пока всех тех, кого и тренировал. Сейчас у меня занимаются Мики Андо, чемпион Франции Флоран Амодио, чемпион Испании Хавьер Фернандес, Абзал Рахимгалиев из

Один из лучших спортсменов в истории фигурного катания. Солт-Лейк-Сити, 2002 год

Казахстана; с этого сезона я начал работать с Сергеем Вороновым. Я не сторонник забирать себе спортсменов и тренировать их. Но я охотно буду помогать, если попросят. Я уже работал с Татьяной Волосожаер и Максимом Траньковым, Верой Базаровой и Юрием Ларионовым.

У меня много своих спортсменов, и я рад, что руководство федерации России разрешило мне продолжать их тренировать. Для российских фигуристов это даже плюс, потому что в одиночном катании иностранцы сейчас лидируют и, глядя на них, русские будут подтягиваться.

А вы не боитесь превратиться в опального тренера здесь, в России, в случае неудачных выступлений ваших русских спортсменов на фоне ваших же зарубежных?

Меня это совершенно не пугает, потому что подобные ситуации уже были и для меня это пройденный этап. Я люблю рисковать, поэтому не боюсь.

Приведите примеры, когда был стопроцентный риск — и для вас, и для ваших спортсменов.

Да их очень много. Ну, например, из последнего — это выступление Мики Андо на Олимпийских играх. В принципе, прокатай она короткую программу с тремя комбинациями прыжков «три плюс два», а не «три плюс три», у нее было бы больше шансов стать третьей. Но я, как человек, понимающий, что существует лишь две медали — золотая медаль Олимпийских игр и «золото» чемпионата мира, — пришел к ней перед стартом и сказал: «Или ты идешь на это и рискуешь, или мы катаемся спокойно». В итоге она потеряла в короткой программе баллов пять или шесть, заняла четвертое место, и это совершенно не мешает ей участвовать в шоу и собирать залы. Мы тогда рискнули, хотя другие, наверно, на это не пошли бы.

Да, но в любом случае складывается впечатление, что каких-то серьезных спадов в вашей карьере не было. Ну почему же? На Олимпиаде в Турине у меня были две медали.

Дайсукэ Такахаси — первый в истории японского фигурного катания спортсмен, завоевавший «серебро» на чемпионате мира. Токио, 2007 год

Одна — золотая — у Шизуки Аракавы, вторая — бронзовая — у Грушиной и Гончарова. Потом я работал четыре года с японскими спортсменами, в числе которых был Дайсукэ Такахаси — один из немногих, кто готов был бороться за «золото» на Олимпиаде в Ванкувере. Но за год до Олимпиады у меня возникла с ним проблема: он подписал контракт, и совершенно некомпетентные люди стали вмешиваться в тренировочный процесс. Другой бы сдержался и продолжал тренировать его, потому что спортсменами такого уровня не бросаются. Я же не побоялся сказать ему «до свидания». Кстати, во время недавнего этапа Гран-при в Японии произошел показательный случай. В Японию я привез француза Флорана Амодио. Правда, он занял там только третье место, зато, когда я вышел на улицу после соревнований, толпа японских болельщиков мне хлопала и поздравляла. Они в курсе ситуации с Дайсукэ и понимают, что я опять — за год — умудрился на порядок поднять уровень спортсмена — в отличие от Такахаси, который за этот год ничего не прибавил, а только уходит вниз.

Подобная ситуация возникла и у Елены Буяновой, когда она после Олимпиады в Ванкувере отказалась тренировать Дениса Тена из Казахстана.

Мне недостаточно просто жить — спокойно, размеренно, стабильно

Шизука Аракава. Олимпийское «золото»

Мики Андо на этапе Гран-при в Москве, 2010 год

Да, и мы буквально пару дней назад разговаривали с ней на эту тему. **А в вашу работу с Абзалом Рахим-галиевым казахстанская федерация не вмешивается?**

Нет. Но в той ситуации с Теном не федерация вмешивалась, а мама. Когда успехов нет, никто не лезет, но когда у спортсмена начинается что-то получаться, то желающих погреться в лучах славы всегда находится большое количество. По этой же причине я расстался с американцем Адамом Риппоном. Но я абсолютно об этом не жалею, потому что меня это еще больше заводит, я еще лучше работаю, готовлю своим бывшим спортсменам соперников, и пускай они попробуют выигрывать.

А вы проговаривали с нашей федерацией вопрос невмешательства в тренировочный процесс?

А с российской федерацией нет смысла это проговаривать, пото-

му что здесь все профессионалы. В Японии ведь в чем проблема? У них нет истории этого вида спорта. Но зато все кому не лень хлынули в фигурное катание, потому что оно стало популярным после ряда побед моих спортсменов. Шизука Аракава выиграла Олимпийские игры в 2006 году

Они просто вырывают у меня паспорт, и тут я понимаю, что очень сильно попал

в Турине, на следующий год Мики Андо выигрывает чемпионат мира, а Дайсукэ Такахаси привозит первую в истории японского фигурного катания серебряную медаль в мужском одиночном катании. И после этого какие-то люди приходят ко мне и рассказывают, что я делаю что-то не так. К примеру, я мог прийти на каток, и мне могли сказать: «Ты переодеваешься не здесь, а вот там» или «Ты пришел на пятнадцать минут раньше, и мы тебя не пустим, потому что вначале должны уйти со льда те, кто занимается до тебя». Вот так работают в Японии.

Но вы продолжаете работать с японскими спортсменами.

Я сейчас работаю только с Мики Андо. С ней мы прошли через многое. Был момент, когда федерация заставляла ее уйти от меня. Но она пошла наперекор всем.

Расскажите о книге, которая вышла у вас в прошлом году в Японии. Я наговаривал текст, а писал ее очень известный в Канаде журналист. Я договаривался писать ее по-английски, а не по-японски. Потому что хотел сначала прочитать готовое, а потом уже отдать в перевод, иначе неизвестно, что бы они там написали. Я прилетал в Японию на презентацию книги — в Токио собрали пресс-конференцию, на которую пришло огромное количество народу и которая стала одной из самых крупных в Японии за последние десять лет.

Николай, вторую часть нашего разговора я предлагаю провести в виде игры в ассоциации. Я буду называть имена, с которыми так или иначе связана ваша жизнь, а вы расскажете первое, что вспомнится об этих людях, или то, чему научила вас работа с ними. Итак, имя первое: Татьяна Тарасова.

Если бы я начал работать тренером сам по себе, то, наверное, никогда бы не добился таких результатов, какие есть сейчас, а если бы и добился, то, может быть, как раз к пятидесяти-шестидесяти годам. А Татьяна Анатольевна за короткий срок дала мне столько всего, что я перешагнул эту ступень высотой в тридцать лет за год или два.

Она сильная женщина, она умная, у нее обостренное чувство того, что будет происходить с человеком, попал ты в программу или не попал, нужно что-то изменить или нет, и это чувство развито у нее так, как больше ни у какого другого тренера. Плюс отношение к спортсмену: она никогда

не упускает ни малейшей детали, потому что в результате из этих, казалось бы, мелочей складывается финальный результат.

Алексей Ягудин.

Очень сильный спортсмен. На него похож испанец Хавьер Фернандес, хотя он пока еще фигурист не такого высокого уровня, как Ягудин. Леша все время удивляет. Например, он мог приехать на турнир и выполнить во время соревнований прыжок, который ему не давался на тренировках. Это редкое и, наверное, самое сильное его качество. Он любил выступать, соревноваться. При этом он был раскрепощен, не заикливался на мелочах, в отличие от других. Кто-то концентрируется, собирается, а он мог прийти и с листа все откатать. Я помню его последний турнир в статусе любителя. Конечно, это был не тот прокат, что на Олимпийских играх, потому что Лешка уже был после травмы, но ощущение того, что он — единственный, кто может так кататься, осталось у меня до сих пор. Он тогда катал номера «Человек в железной маске» и «Гладиатор». Так вот, «Гладиатор» — это, на мой взгляд, программа, которая, как никакая другая, отражает его как человека.

Изабель Делобель — Оливье Шонфельдер.

Интересная танцевальная пара. Мальчик невероятно талантливый, ему все легко дается. При этом человек абсолютно лишен чувства страха. Расскажу один случай. В Лейк-Плэсиде есть водопады, с которых мы ныряем, когда приезжаем туда раз в год на соревнования. При этом один водопад высотой около трех метров, другой — пять, а третий — метров одиннадцать-двенадцать, и если, прыгая с него, ты чуть-чуть промахнешься, то, видимо, это может стать твоим последним прыжком. Из наших друзей прыгают с него всего человека три, другие даже не подходят. В тот день Оливье пошел с нами, подходит к краю водопада и спрашивает: «Куда прыгать?» Мы ему показываем: «Ви-

дишь куст? Вот туда». И этот человек разбегаются и прыгает рыбкой. Притом что мы прыгаем туда только солдатиком, прыгнуть рыбкой никому из нас даже в голову не приходило. Минуты четыре мы стоим в шоке и не можем понять, как это произошло.

Саша Коэн.

Она пригласила меня поставить ей программу. Я приехал, мы начали работать. Я ей что-то предлагаю, она выполняет, а потом — раз! — вставляет что-то свое. Я ничего не говорю, потому что вижу, что получается хорошо. В следующий раз опять все по-другому сделала, и опять хорошо. Я говорю: «Саша, давай мы поменяем немножечко тактику: ты будешь делать так, как ты это чувствуешь, а я буду просто говорить тебе, что хорошо, а что плохо». Саша — очень красивая фигуристка и невероятно талантлива.

Шизука Аракава.

Она просто олимпийская чемпионка. Она и выглядит так, и катается так. У нее необыкновенные координационные возможности. Я лично видел, как она тренировала и тройной аксель, и четверной тулуп, и четверной сальхов. Мне повезло с ней, а ей повезло со мной — в том, что я никогда раньше с девочками не работал. Я до этого даже не смотрел, как девочки катаются. И поэтому, когда я начал с ней работать, мне казалось совершенно естественным и нормальным то, что она прыгала каскады «три плюс три», — ведь Ягудин прыгал их с утра до ночи. Потом она начала прыгать комбинации «три плюс три плюс три», и я тоже воспринимал это как само собой разумеющееся. Шизука была подготовлена как мальчик, поэтому ей было легко на Олимпийских играх. Она стала большим профессионалом. Было время, когда я ей говорил: «Даже когда ты уйдешь из спорта, ты не должна позволять себе делать простые программы, а должна продолжать прыгать, потому что это то, ради чего люди идут на тебя смотреть». И меня радует, что Аракава это поняла и держит марку олимпийской чемпионки. Она до сих пор катается, держит себя в форме, все

прыгает и может хоть сейчас ехать на соревнования. У нее нет такого, что все — мы закончили соревноваться и теперь будем зарабатывать деньги, отдыхать, гулять и толстеть. Она себе этого не позволяет.

Что вам дала работа с ней?

Понимание женской психологии. К Олимпийским играм мы готовились во Франции. Я смотрю, Шизука очень уставшая и ей нужно что-то такое, что бы ее взбодрило. И тут я узнаю, что в одном из французских футбольных клубов играет популярный японский футболист. И я приглашаю его на тренировку. Шизука тут же начинает кататься по-другому, исполнять все прыжки. И я ему сказал: «Будешь приходить к нам на тренировки каждый день».

Она невероятно красива и талантлива. Саша Коэн

Бронзовые призеры
Олимпийских игр
в Турине Елена
Грушина и Руслан
Гончаров

**Это была, наверное,
одна из самых
сложных медалей
в моей жизни.
Я так устал тогда
от этой политики,
что танцами
пока больше не
занимаюсь**

Мишель Кван.

Это, наверное, единственная фигуристка, которая держала на себе все фигурное катание Америки последние десять лет. Она звезда. Но в то же время никогда не позволяет себе ничего звездного. Она талантлива, эмоциональна, с ней было очень интересно работать. Еще одна история. Мишель попросила меня поставить ей программу раньше, чем Саша Коэн. Но она была в туре, и начать работать мы могли только в августе. И тут получается так, что после того, как я поставил Саше Коэн программу, она сразу же перешла ко мне тренироваться. А поскольку это случилось, то, по идее, я не должен был ставить программу Мишель. Но я же пообещал. Вот такая ситуация возникла. И у нас с Кван со-

стоялся разговор о том, что я к ней приеду при условии, что она снимет каток и о нашей работе никто не будет знать. И целый год потом, пока она выступала с этими программами, говорили, что программы она ставит себе сама. В то время она встречалась с хоккеистом, который играл в Калгари. Там она и сняла площадку. И вот в пятницу вечером, сразу после своих тренировок, я, небритый-немытый, приезжаю в аэропорт, в аэропорту выпил бокал вина, прилетаю в Канаду, прохожу паспортный контроль. Таможенник смотрит в мой русский паспорт и спрашивает: «Куда вы летите?» Отвечаю: «Я лечу к Мишель Кван». Далее диалог был примерно следующим: «А что она делает в Канаде?» — «Она поехала к своему

бойфренду». — «А вы зачем летите?» — «Я еду к ним в гости». (Не могу же я сказать, что я еду к ним на работу, потому что нельзя зарабатывать деньги в другой стране.) «А кто у нее бойфренд?» — «Он хоккеист». — «А в какой команде он играет?» А я хоккеем вообще не увлекаюсь и честно отвечаю: «Я не знаю». Дальше последовали вопросы о том, где мы с ней познакомились и т.д. Потом они спрашивают: «А кого вы еще знаете из фигуристов?» Я говорю: «Ше-Линн Бурн». И когда они спрашивают: «А она сейчас где?» — и я отвечаю: «Она спит у меня дома», они просто вырывают у меня паспорт, и тут я понимаю, что очень сильно попал. В итоге я еще больше часа пробыл на таможне, пока там проверяли, что я не пьян и что с головой у меня все в порядке.

Брайан Жубер.

Он мог бы стать более сильным фигуристом, и мне очень жаль, что этого не произошло. Причиной на мой взгляд, вовсе не из-за отсутствия способностей, а только по одной причине: он все время сидел во Франции, и у него не было развития. И это, скорее всего, даже не его проблема, а проблема тех людей, которые его окружают, — может, семьи, может, тренера.

Елена Грушина — Руслан Гончаров.

Это была, наверное, одна из самых сложных медалей в моей жизни. Потому что танцы — это еще и политический вид спорта, и, конечно, никто не хотел отдавать олимпийскую медаль Украине. Зачем она им нужна? И я так устал тогда от этой политики, что танцами пока больше не занимаюсь. Это были три-четыре года моей жизни и работы, заикленные исключительно на них. Это опять же был рискованный шаг, потому что можно было взять более выгодных спортсменов: был момент, когда ко мне просились болгары Албена Денкова и Максим Ставиский. Я тогда пришел к Лене с Русланом и сказал им об этом. И они попросили: «Пожалуйста, не бери их, мы будем делать все, что ты скажешь».

Это был очень долгий процесс. Ребята привыкли к неудачам, к тому, что их все время задвигают. Но в то же время они были настолько надежными на соревнованиях! Надежнее их я спортсменов не видел. И я рад, что все закончилось таким успехом.

Дайсукэ Такахаси.

Из всех людей, с которыми я работал, он имеет наименьшее количество природных данных. Это чистой воды выращенный спортсмен, он никогда не откажется лучше, чем он готов, никогда не сделает сверх своих возможностей.

Ше-Линн Бурн — Виктор Краац.

Еще одна интересная пара. Начинилось с того, что Ше-Линн все время опаздывала. Могла вообще не прийти, а потом позвонить и сказать, что стоит в пробке. Ну, полная разгильдяйка. Могла ехать на тренировку и забыть коньки. Зато Виктор всегда приезжал вовремя, всегда готов был кататься, но при этом забывал, что именно катать. Я его периодически спрашивал: «Вить, а ты вообще в курсе, что ты сегодня пришел на тренировку по фигурному катанию, а не по лыжам или санкам?» У него настолько было плохо с запоминанием, что мы могли накануне провести три часа на льду, поставить какие-то шаги, а наутро он выходит на лед и я говорю ему:

«Ну, давай, показывай!» А надо сказать, что у него очень красивые и всегда невинные глаза, за что его и любят все в Канаде. И вот он смотрит на меня этими своими невинными глазами и спрашивает: «Что показывать?» — «То, что мы вчера выучили». — «А я не помню».

Ну, в общем, весело было. Три года мне потребовалось на то, чтобы их собрать, но зато последний год с ними был самым легким. Я приходил за пять минут до тренировки и знал, что они уже оделись, размялись и полностью готовы к полноценной работе. А потом было самое большое удивление, когда сразу после победы на чемпионате мира Виктор заявил: «Ну все, я закончил кататься!» — «Как закончил? А для чего же ты выигрывал? Зачем

все это было нужно?» На что он говорит: «Я хочу быть полицейским на велосипеде или массажистом». Я говорю: «Отлично! Ты будешь зарабатывать пятьдесят долларов в час вместо того, чтобы получать семь тысяч долларов за две минуты». Мы тогда из-за этого не очень хорошо расстались. Ше-Линн стала кататься одна, а Виктор пропал, и увиделись мы с ним только спустя три года — он в качестве тренера приехал на соревнования с какой-то парой. Он подошел ко мне со словами: «Хочу сказать тебе огромное спасибо. Я наконец-то понял, что не могу без фигурного катания. Вот, начал тренировать».

Договариваясь о встрече, я сказала Николаю, что для полноценного интервью мне нужен час. Интервью началось в назначенное время с точностью до минуты. «Вы всегда так пунктуальны?» — задала я вопрос. «Да, а что?» А ровно через час мой собеседник взглянул на часы. Но у нас оставалось два имени, о которых мы не могли не поговорить.

Евгений Плющенко.

Я с ним работал очень мало. Неделю или полторы. Он уникальный

спортсмен. Мы придумали с ним какую-то дорожку, и он говорит: «Ну что, включай музыку». Я спрашиваю: «Может, ты медленно повторишь, отработаешь?» — «Музыку включай!» Ну ладно, включаю музыку. И он делает все на сто процентов. Я такого таланта больше не видел.

Мики Андо.

Сложная спортсменка. С ней была проделана большая психологическая работа, но на сегодняшний день она самая сильная среди всех девочек. И на этапе Гран-при в Москве она это в очередной раз доказала.

И в заключение прокомментируйте вашу же фразу: «Я в чем-то — лидер, в чем-то — авантюрист и при этом очень амбициозен».

Да, это так. Лидер в том, что я никогда не успокаиваюсь на среднем уровне. Мне недостаточно просто жить — спокойно, размеренно, стабильно, чтобы не было взлетов и падений. Мне это неинтересно. Я не боюсь высоко взлететь и потом низко упасть, чтобы затем взлететь опять. И это соединяет все три качества вместе.

Елена Семикова

Чемпионы мира и любимцы Канады Ше-Линн Бурн и Виктор Краац